

Переименование городской топонимии как средство переопределения местной идентичности Декоммунизация названий улиц в Польше

Бартломей Ружицкий

Перевод с английского по изданию: Różycki B. (2018) Renaming Urban Toponymy as a Mean of Redefining Local Identity: The Case of Street Decommunization in Poland // Open Political Science. No. 1. P. 20–31. Статья основана на исследовании, проведенном в рамках проекта «Наказание, память и политика: сведение счетов с прошлым со времен Второй мировой войны». Проект поддержан грантом Польского национального научного центра (проект: DEC-2013 / 10 / M / HS3 / 00577).

Городская топонимия давно стала предметом интереса исследователей памяти. Отчасти это обусловлено растущим влиянием известного термина Пьера Нора *место памяти*, хотя этот концепт настолько универсален и охватывает так много разных аспектов памяти о прошлом, что его использование для описания конкретного явления может вводить в заблуждение. Тем не менее названия улиц вместе с другими «местами памяти», физически видимыми в публичном пространстве, такими как памятники или архивы, стали, несомненно, важными предметами изучения для исследователей.

Бартломей Ружицкий,
доктор истории, Институт политических исследований Польской академии наук;
Polska, 00-625, Warszawa, Polna,
18/20.
E-mail: bartek.rozycki@gmail.com

В период перехода Польши к демократии и в последующие годы декоммунизация городской топонимии стала важным аспектом символических изменений. Общий курс на переименование улиц был одинаковым для всей страны, но темпы этих изменений, а также степень терпимости к символам прошлого варьировались. В этой статье анализируются случаи трех крупных польских городов. В Кракове основу местной идентичности составляла его долгая и богатая история и определенный уровень самостоятельности в определении символического ландшафта. В Варшаве, в свою очередь, вследствие исключительных событий времен Второй мировой войны в названиях улиц был увековечен целый ряд новых мифов и фигур. Более того, благодаря статусу столицы идентичность Варшавы оказала влияние на канон польской истории в целом. Это влияние затронуло и третий анализируемый город, Вроцлав. В силу долгой истории связей этого города с немецкой культурой лишь крайне ограниченная часть его символического капитала оказалась совместима с новым патриотическим каноном. В результате Вроцлав принял в свою городскую топонимию огромное количество символов, не связанных с его собственной памятью, одновременно ликвидировав те символы, которые были связаны с местной идентичностью. Принятие внешнего наследия, таким образом, было стратегией избегания конфликта с доминирующим нарративом.

Ключевые слова: коммунистическая Польша; современная Польша; названия улиц; символы; местная идентичность; топонимия

Цитирование: Ружицкий Б. (2021) Переименование городской топонимии как средство переопределения местной идентичности: декоммунизация названий улиц в Польше // Городские исследования и практики. Т. 6. № 1. С. 109–123. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp612021109-123>

Названия улиц – это средство навязывания определенных установок. Они указывают на ценности, воплощаемые конкретными событиями, датами, людьми и группами людей или же более общими терминами. Новые названия обычно устанавливаются властями. Связывание улицы с конкретной личностью или событием – это формальный акт, требующий выполнения определенных процедур. В процессе принятия решения могут, конечно, принимать участие и другие политические акторы, их способность влиять на результат зависит от существующей политической системы. Но в конечном итоге решение остается за властями, потому что, как выразился Стефан Мейер, «переименование улиц обычно является политическим актом, с помощью которого государство демонстрирует свой авторитет и исключительное право интерпретировать свою историю» [Meyer, 2006, p. 106]. Способность вводить собственные ценности в эти коммеморативные практики зависит от имеющихся ресурсов. Как заметили Рассел Джонстон и Майкл Рипмистер, которые исследовали практики сохранения памяти, связанные с канадскими военными памятниками,

то, что считается народной или общественной памятью, всегда существует в контексте асимметричных властных отношений. Группы с наибольшим доступом к политическим, культурным, экономическим и дискурсивным ресурсам имеют больше возможностей распространять те исторические нарративы, которые подходят им больше всего. Многие такие группы включают в себя тех, кого аргентинская социальная исследовательница Элизабет Джелин называет «антрепренерами памяти»: это индивиды, пропагандирующие конкретную версию понимания истории, которая служит их непосредственным целям. Музеи, архивы и школьные программы нельзя рассматривать как нейтральные или объективные. Скорее, они продвигают нарративы, одобряемые теми, кто их финансирует. Антрепренеры памяти, наделенные правом доступа к общественному пространству, посредством памятников внедряют частные представления о прошлом в окружающий ландшафт [Johnston, Ripmeester, 2009, p. 406].

Пьер Бурдьё считает, что эти «антрепренеры памяти» борются за символический капитал. По его словам,

в символической борьбе за производство здравого смысла или, точнее, за монополию легитимной *номинации* как официального – эксплицитного и публичного – благословения легитимного видения социального мира агенты используют символический капитал, приобретенный ими в предшествующей борьбе [Бурдьё, 1993, с. 72].

Этот капитал является важным фактором в другой большой борьбе: за легитимацию своей власти. Джонстон и Рипмистер, опираясь на Джеймса Янга, делают вывод, что

вездесущность и кажущееся геологическим постоянство памятников делает их мощными мнемоническими и дидактическими инструментами, предназначенными для отстаивания избранных ценностей. Теоретически они должны натурализовать приоритеты сильных мира сего, поощрять идентификацию с воображаемым сообществом и в конечном итоге мотивировать участие в гражданских делах [Johnston, Ripmeester, 2009, p. 406].

В свою очередь, Дерек Олдерман отмечает, что

названия улиц, как и любое памятное место, могут быть вовлечены в политику определения того, что является исторически значимым или достойным общественной памяти, также как названия мест являются частью «более масштабной борьбы за социальную и политическую идентичность и используются для сопротивления гегемонистскому порядку, а также для его воспроизведения». В этом отношении городская система названий улиц служит «мемориальной ареной», где борьба за культурное различие или «символический капитал» разыгрывается в самых разных масштабах [Alderman, 2002, p. 99].

Если рассматривать присвоение улицам названий как борьбу, то такая борьба приводит к выгодам для победителей и потерям для проигравших, право которых представлять и сохранять в памяти историческое повествование ставится под вопрос и ограничивается, а то и полностью пресекается и запрещается. Таким образом, победители одни социальные установки продвигают, а другие подавляют или осуждают. Это, очевидно, приводит к исклю-

живности нарратива, сохраняемого в коммеморативных практиках. Рубен Роуз-Редвуд, исследовавший переименование улиц в Нью-Йорке XIX–XX веков, указывает, ссылаясь на Олдермана и некоторых других ученых, что при изучении того, что сохраняется в городской топонимии, не менее важно выявлять то, что при этом передается забвению:

Стивен Легг напоминает нам, что акт памяти неотделим от «активного забывания». Социальные исключения, которые пронизывают многие исторические нарративы, часто воспроизводятся и усиливаются, становясь «материализованными дискурсами» в коммеморативных ландшафтах.

Поэтому

названия улиц являются стратегическим элементом в «экономии практик» для маркирования географического пространства как места одновременно сохранения и стирания памяти. Практика символического стирания наиболее очевидна в акте переименования улиц, когда одно имя официально заменяется другим.

Однако Роуз-Редвуд утверждает, что

процесс стирания простирается гораздо глубже и включает большинство, если не все, акты пространственного обозначения. Места памяти существуют не изолированно, а как часть более широкой сети мемориальных мест. Следовательно, чтобы понять пространственную политику памяти и забывания, необходимо изучать интертекстуальность обозначения пространства, а также реляционность учреждения мест в целом.

Он продолжает этот анализ, утверждая, что

исключающую политику символического стирания можно обнаружить как в попытках элиты переименовать улицы, чтобы превратить символический капитал в экономический (например, повысить стоимость недвижимости), так и у исторически маргинализированных групп, которые стремятся к культурному признанию, но в процессе отдают приоритет одному подмножеству группы над другим. Исключение, сопровождающее переименования улиц, наиболее очевидно не в масштабе измене-

ния названия отдельной улицы, а в отношении к «городскому тексту» (city-text) в целом. Культурное значение топони́ма сильно варьируется в зависимости от социально-пространственного контекста, в который он помещен.

Как следствие, нужно быть очень осторожным при различении коммеморативных и некоммеморативных топонимов.

Если уличный ландшафт и в самом деле можно рассматривать как «арену памяти», то одновременно оно является и пространством, в котором «публичное забывание» вписано в саму текстуру ландшафта. <...> Ученые обычно различают коммеморативные и некоммеморативные топонимы. <...> У такой топонимической системы классификации, безусловно, есть своя область применения, но в ней недооценивается коммеморативное измерение любых практик именования, а потому игнорируется неразрывная связь между памятью и именованьем мест.

Однако Роуз-Редвуд утверждает, что

сам акт присвоения имени месту – это попытка дискурсивно переопределить данное пространство как место, которое нужно запомнить. Следовательно, именование места само по себе – мемориальная практика независимо от того, являются ли эти названия описательными, притяжательными или какими-то другими [Rose-Redwood, 2008, p. 432–435].

Чтобы обнаружить традиции, стертые из топонимии, ее следует читать не как сумму отдельных имен, отсылающих к истории, а как единое целое:

отношение между именованьем улиц и памятью сложнее, чем то, что предполагается в большинстве традиционных подходов к изучению мемориальных названий улиц. Различие между коммеморативными и некоммеморативными названиями улиц ограничивает наше понимание символической власти топонимии в конструировании мест памяти и забывания [Rose-Redwood, 2008, p. 447].

Я вернусь к этому наблюдению, так как, анализируя процесс декоммунизации улиц в конкретных польских городах, я буду рассматривать названия улиц как значимые

и «нейтральные»: они использовались для заполнения пробелов, которые могли быть захвачены символами, намеренно не включенными в городскую топонимию.

От названия улицы обычно не ожидают, что оно будет потрясающим носителем символа, заражающим любого, кто с ним взаимодействует, силой убеждения. Вместо этого оно служит средством повседневного и повторяющегося влияния, которое мягко воздействует на индивидов. Кроме того, оно служит резервуаром памяти, который можно использовать в подходящее время. Анализируя памятники Степана Бандеры на Украине, Андре Либич и Оксана Мышловская отметили, что

в памятниках больше всего поражает то, что их не замечаешь. В мире нет ничего более невидимого, чем памятники. Они, несомненно, созданы для того, чтобы их видели, более того, чтобы привлекать внимание, но одновременно что-то придает им иммунитет от внимания. <...> Занимая пространство, памятники, даже когда их не замечают, объективируют память, исключают альтернативные представления о прошлом и, когда надо, предъясняют объединяющую идею для совместных культурных практик. Памятники могут быть невидимы, иногда, для некоторых. Это не значит, что их нет или что они могут по желанию исчезнуть [Liebich, Myshlovska, 2014, p. 751].

Памятники при всем этом встречаются не так часто и привлекают больше внимания, чем табличка с названием улицы, но все, что о них сказано, можно даже с еще большей уверенностью сказать о городской топонимии. Как хорошо сформулировал Винфрид Шпайткамп, названия улиц (вместе с разными носителями символика, такими как деньги или почтовые марки) являются памятниками вторичной формы, которые, однако, оказывают на повседневную жизнь гораздо более широкое влияние, чем памятники в их наиболее типичном смысле. Они являются элементом жизни, который касается каждого члена общества, от контакта с которым невозможно уклониться и который трудно проигнорировать [Speitkamp, 1997, s. 106]. Роуз-Редвуд ссылается на Маоза Азаряху, который

утверждает, что коммеморативное именование улиц – это практика, направленная на «внедрение авторизованной версии истории в обычные условия

повседневной жизни». В той степени, в которой мемориальные названия улиц включены в само собой разумеющийся повседневный мир, их повседневность служит стратегией для овеществления и легитимации господствующих дискурсов общественной памяти [Rose-Redwood, 2008, p. 432].

В контексте современной Польши, которая будет обсуждаться далее, стоит обратиться к Леху Нияковскому. По его мнению, доминирующий исторический дискурс, в котором особое внимание уделяется периоду Второй мировой войны, формируется почти исключительно воспоминаниями *Generalne Gubernatorstwo* (Генерал-губернаторство – польские территории, оккупированные, но не аннексированные Германией во время Второй мировой войны), в то время как другие дискурсы, принадлежащие жителям территорий, непосредственно вошедших в состав либо Третьего рейха (где проводилась иная политика, чем в *Gubernatorstwo*), либо Советского Союза, часто игнорируются. Это еще более заметно в случае земель, которые не принадлежали Польше до Второй мировой войны, но после войны вошли в ее состав в рамках расплаты Германии. Роберт Траба, исследования которого в значительной степени опираются на эту региональную перспективу, отметил:

глядя на культурную специфику Вармии и Мазурии, я чувствую, что ее восприняли как курьез, особенности которого не стоят внимания и понимания, а должны быть насильственно подчинены искусственному, общенациональному канону интерпретации истории. Возможно, стоило бы сделать нечто обратное – усилить национальный культурный канон ценностями и опытом регионов, прошлое которых часто очень сильно отличалось от прошлого Кракова и Варшавы [Szacka, 2006, s. 57–58].

Обсуждая важность символов прошлого, следует также упомянуть, что символика, ассоциируемая с конкретным объектом, может приобретать разные коннотации, связанные со специфическими слоями символов, которые образуются с течением времени. Дасия Вьехо-Росе, исследовавшая исторический ландшафт Испании, утверждает, что «символы – это объекты, наделенные абстрактным значением, которые служат для репрезентации чего-то,

даже если привлекаемый смысл неодинаков для разных людей», а также что «культурное наследие по сути своей является политическим и символическим, поскольку оно конституируется в попытках создать ощущение исторической преемственности или общественной памяти, которые позволяют определить „воображаемое сообщество“. Оно также может служить мнемонической цели: память активизируется в ландшафте, который ассоциируется с конкретными историческими событиями» [Viejo-Rose, 2014, p. 8–9]. При анализе конкретных стратегий переименования важно помнить, что одни и те же имена могут служить разным целям в зависимости от контекста.

В другой статье я сравнивал существование коммунистических символов в городской топонимии разных регионов (воеводств) Польши [Różycki, 2018]. Оказалось, что те части страны, которые были отображены у Германии в результате Второй мировой войны и в которых в последние столетия господствовала немецкая культура, теперь более терпимы к коммунистическим символам. Основываясь на этих выводах, я утверждал, что характерный для них низкий уровень традиций, напрямую связанных с историей Польши, сделал возможным более широкое принятие этими территориями любых символов, которые конституируют связь между ними и страной, которой они в настоящее время принадлежат. Для них символы принадлежности к Польше относятся почти исключительно к периоду коммунизма, поэтому терпимость к этому наследию, которое повсюду отвергается, вполне объяснима. В этой статье я предлагаю более глубокое исследование нескольких крупнейших польских городов, которые из-за различий их истории теперь, возможно, опираются на разные локальные традиции, в разной степени совместимые с ядром общей польской истории. Я утверждаю, что разница в символическом капитале этих регионов способствует разным стратегиям переименований, хотя, конечно, это не означает, что память об их различающемся историческом опыте сохраняется в одном и том же масштабе. Скорее, в ситуации, когда есть большой символический капитал, несовместимый с доминирующим каноном, локальная стратегия может основываться на отказе от собственной истории и выборе нейтральных, внешне несимволических решений.

В ходе анализа будут изучены случаи трех крупных польских городов: Кракова, Варшавы и Вроцлава. Каждый из них представляет разный контекст. Краков как город, относительно не пострадавший во Вторую мировую войну, сосредоточился на восстановлении своих богатых традиций [в названиях улиц], которые в период коммунизма были заменены людьми и ценностями, репрезентативными для новых властей. Варшава, история которой как столичного города оказала большое влияние на ход истории Польши в целом, не только восстановила некоторые из своих традиционных названий улиц, но и получила целый новый набор героев, которых нужно было отметить: сопротивление во время Второй мировой, особенно Армии Крайовой (*Armia Krajowa*) и ее воинов и подразделений, участвовавших в самой известной операции – Варшавском восстании. Во Вроцлаве ситуация сильно отличалась: топонимия города была изменена во времена коммунизма не только в соответствии с господствующей идеологией, но и в связи с тем, что город принадлежал Германии, и названия многих его улиц имели отношение к истории и героям этой страны, которую официальная пропаганда и значительная часть общества воспринимали как главного врага.

В своем анализе я сосредоточусь на декоммунизации, проводившейся в первые годы переходного периода. Подавляющее большинство улиц было переименовано в начале 1990-х годов, и лишь незначительное количество названий сменилось в последующие годы. Нынешние дискуссии по поводу этого процесса в Польше обычно строятся вокруг нового закона, принятого в 2016 году и требующего от всех местных властей ликвидировать оставшиеся названия, связанные с коммунистической идеологией, но меня здесь интересует не эта тема. Поскольку рамки этой поздней декоммунизации задаются интерпретациями, предлагаемыми центральным институтом, Институтом национальной памяти, она представляет собой попытку навязать общий национальный нарратив, в котором игнорируется отличающийся опыт и особенности разных частей страны и который направлен на укрепление официального канона польской истории¹. Сама по себе эта попытка

1. Новый закон, принятый в середине 2016 года, противоречит полномочиям местных властей в отношении городской топонимии, требуя ликвидации всех оставшихся названий, относящихся к коммунистической идеологии. В случае бездействия местных властей с осени 2017 года региональный представитель правительства уполномо-

мало что дает в качестве основы для исследования конкретных местных идентичностей. Я коснусь этого нового фактора только в связи с одним вопросом: количество улиц, возможное переименование которых обсуждается в каждом из городов. Эта информация послужит индикатором степени принятия местными властями и гражданами коммунистических названий, коль скоро эти названия смогли продержаться в общественном пространстве более четверти века со времен наиболее интенсивного процесса декоммунизации.

Краков

После Второй мировой войны Краков пережил процесс интенсивной замены исторических символов названиями коммунистического происхождения. В Старом городе были ликвидированы несколько названий в честь католических святых. Впрочем, новые названия относились к довольно «мягкой» индоктринации и не принадлежали ядру сталинской пропаганды того времени: площадь Всех Святых (*Plac Wszystkich Świętych*) теперь увековечивала революционную борьбу середины XIX века (*Wiosna Ludów*) [европейские революции 1848–1849 («Весна народов»)], улица Св. Гертруды (*św. Gertrudy*) была названа в честь польского социалистического мыслителя Людвиг Варинского (*Ludwik Waryński*), а улица Св. Томаша (*św. Tomasza*) была прижизненно переименована в честь актера и театрального режиссера Людвика Сольского (*Ludwik Solski*). Можно предположить, что целью этих изменений было скорее удаление явно религиозных названий из исторического центра города как места, имеющего большое символическое значение.

Более откровенная пропаганда развернулась на улицах, чьи прежние патроны принадлежали недавней истории Польши, особенно ее борьбе за независимость. Бывшая улица Юзефа Пилсудского – главный символ довоенной Польши – была переименована в честь символического начала коммунистического режима, Июльского Манифеста² (*Manifestu Lipcowego*), а Польские Легионы Пилсудского (*Legionów*

Józefa Piłsudskiego) сменил малозначительный местный социалист Станислав Цекера (*Stanisław Cekiera*). Имена известных деятелей из истории Кракова, таких как его президенты Миколай Зибликевич и Владислав Белина-Празмовский или ректор Ягеллонского университета Юлиан Дунаевский (*Mikołaj Zyblikiewicz, Władysław Belina-Prażmowski, Julian Dunajewski*), были заменены другими ключевыми символами – битвой под Ленино, Юлианом Марчлевским (*Julian Marchlewski*) и 1 Мая соответственно. Также должны были быть заменены названия, связанные со старым консервативным и иерархическим устройством общества. Так, улица Яблоновских (*Jabłonowskich*) увековечивала память о бывших собственниках этих земель, расположенных непосредственно за городскими стенами, – теперь в городской топонимии их сменил местный коммунистический активист Станислав Зия (*Stanisław Ziąja*). Аналогичным образом были ликвидированы и другие названия, относящиеся к истории Кракова или борьбе за независимость Польши, их заменяли все более многочисленные коммунистические деятели. Именами таких людей называли и многие новые улицы, которые появились в городской топонимии в ходе расширения города. Самым важным из них был главный проспект нового района Нова-Хута (*Nowa Huta*). По словам исследователя истории этого района, «изначально он задумывался как отдельный город-спутник Кракова, первый образцовый социалистический город Польши. Мотивом его строительства была “модернизация” страны посредством индустриализации, урбанизации и создания нового социалистического рабочего класса» [Pozniak, 2013, р. 59]. Проспект, который соединял Нову-Хуту с остальной частью Кракова, поначалу был посвящен «ударникам труда» (*Przodowników Pracy*), но после 1958 года переименован в проспект Ленина.

После 1989 года декоммунизация в Кракове состояла в основном в восстановлении традиционных названий, которые существовали до Второй мировой войны³. Символично, что самый ранний указ городского совета по этому поводу, датиро-

чен издать постановление о переименовании той или иной улицы. Более того, государственный Институт национальной памяти указан в законе как консультативный орган, чьи заключения становятся обязательными к исполнению. В целом эта реформа представляет собой унификацию регулирования в области политической символики по всей стране.

2. Манифест к польскому народу – первый государственный акт народной Польши, принятый 22 июля 1944 года Польским комитетом национального освобождения (ПКНО) в городе Хелме. – Прим. пер.

3. Вся информация об улицах, переименованных в Кракове с 1989 года (если нет ссылок на другие источники), получена из Архива городского совета и предоставлена его должностными лицами.

ванный июнем 1990 года, объявлял о восстановлении названия площади Всех Святых. Менее чем через три месяца был принят расширенный закон, согласно которому переименовывались 25 улиц, и 20 из них вернули свои исторические названия. В следующем году были переименованы 133 улицы, семи из которых вернули довоенные названия. Стоит особо отметить, что местные власти настолько сильно хотели восстановить традиционные названия, что принимали решения об обратных переименованиях, даже когда давший новое имя улице деятель на самом деле не был явным коммунистическим символом, а его право быть увековеченным в городской топонимии было общепризнанным. Можно привести три отличающихся друг от друга примера такого переименования: уже упомянутый Людвик Сольски, еще одна известная театральная фигура довоенного периода – Стефан Ярач (*Stefan Jaracz*), а также Антоний Ставарц (*Antoni Stawarz*), пехотный капитан Войска Польского, сыгравший важную роль в освобождении Кракова в конце Первой мировой войны. Каждый из них получил улицу собственного имени в историческом центре Кракова в период власти коммунистов. Хотя и уважая исторический или художественный вклад этих людей, местные власти предпочли переименовать посвященные им улицы ради восстановления исторических названий, но при этом также пытались найти другой способ увековечить их. В результате один из них, Ставарц, был удостоен собственной улицы в 1991 году, заменив второстепенного деятеля XVII века, использовавшегося коммунистической историографией (Марчин Радоцкий, *Marcin Radocki*). Двум другим пришлось ждать до 1995 года, когда были возведены новые жилые комплексы и вырос спрос на известные исторические фигуры для присвоения названий недавно построенным улицам. Точно так же на свои традиционные места вернули еще два довоенных названия. В коммунистическое время Студенческая улица (*Studencka*) и улица Маршала Юзефа Пилсудского были переименованы и получили новые, отчетливо пропагандистские названия в честь генерала Кароля Сверчевского (*Karola Świerczewskiego*) и Июльского Манифеста (*Manifestu Lipcowego*), в то время

как их первоначальные названия использовались – чтобы ослабить их символическое влияние – для именованья менее престижных улиц на окраине Кракова. Проводя декоммунизацию улиц в 1990 году, городской совет решил вернуть эти названия на их прежние места, взамен были подобраны имена меньшей символической важности. Кроме того, улицам, построенным в коммунистический период и получившим важные символические названия, были даны столь же значимые имена. Наиболее яркие примеры – проспект Ленина, переименованный в проспект Солидарности, а также проспект Шестилетнего Плана и проспект Кубинской Революции, объединенные и переименованные в проспект Иоанна Павла II. Очевидно, политические деятели, внесшие наибольший вклад в крах коммунизма, пришли на смену символам коммунизма и в городской топонимии.

Краков оказался одним из городов, воспользовавшихся возможностью, предоставленной декоммунизацией, чтобы увековечить собственную историю. Из 148 случаев переименования, задокументированных в 1990–1993-м годах⁴, в 50% использованы имена людей, важных для истории города. Одна их половина – интеллектуалы, например ученые, как правило связанные с Ягеллонским университетом (свою роль мог сыграть тот факт, что Комиссию городского совета возглавил профессор этого университета [*LoveKraków.pl*, 2014]), или деятели искусства, другая – общественные деятели, благотворители, военные, а также члены местного антикоммунистического сопротивления. Для сравнения: при переименовании менее одной пятой улиц было посвящено деятелям, которые не имели прямого отношения к истории Кракова и скорее были частью общей истории Польши.

Следует отметить, что Краков оказался одним из городов, наименее толерантных в отношении исторических фигур, чьи коннотации с коммунизмом были спорными или чье символическое влияние считалось относительно «мягким». Названия, которые во многих польских городах оставили как нейтральные, здесь были ликвидированы как нежелательные. Такими фигурами стали советский космонавт Юрий Гагарин, русские писатели Александр Пушкин и Максим Горький, уже упомянутый социалисти-

4. Краков является одним из примеров быстрой и систематической декоммунизации в противоположность некоторым другим крупным польским городам, где этот процесс в последующие годы многократно останавливался и возобновлялся – например, в Познани немало уличных названий с сильным символическим значением было ликвидировано только в 2002 году, а в Кельце – в 2005 году.

ческий мыслитель Варинский, а также дата 1 Мая и народное название польских добровольцев, воевавших в составе Интернациональных бригад в гражданскую войну в Испании, – Дамбровчики (*Dąbrowszczacy*). Все они, хотя и могли восприниматься как символы достижений человечества в науке и искусстве или в борьбе за социальные права и свободы, здесь рассматривались в первую очередь как инструменты пропаганды коммунистического режима. Среди них были случаи и более сомнительного переименования. Во время масштабной кампании 1991 года без соответствующего обоснования был вычеркнут даже Болеслав Макудзинский (*Bolesław Macudziński*), активист межвоенного периода, занимавшийся продвижением туризма и лыжного спорта.

Декоммунизация в начале 1990-х годов проводилась так тщательно, что к 2016 году, когда был принят новый закон о декоммунизации, обсуждать оставалось совсем немного. Было одобрено переименование только шести улиц (еще 21 попала в реестр сомнительных, но спорный символизм их названий вкупе с сильным сопротивлением жителей заставили комиссию сдаться – было решено, что попытка их переименования выходит за рамки требуемого законодателями). Эти шесть улиц исходно были названы в честь людей, которые сражались в просоветской польской армии (один из них также был известен до войны как поэт) и, таким образом, внесли вклад в поражение Германии во Второй мировой войне. Тем не менее из-за сильной антикоммунистической направленности нового закона эти названия были обречены исчезнуть. Несмотря на некоторые дополнительные дискуссии, решение руководства города о переименовании этих улиц в честь людей, имеющих отношение к Кракову, получило всеобщее одобрение. Как и в начале 1990-х, это в основном интеллектуалы и политики. Добавим, что часть имен, попавших в список, но в конечном счете оставшихся без изменений, обязана этим яростной защите со стороны представителей академических институтов, с которыми они были связаны [Kursa, 2017].

Стоит также упомянуть, что в последние годы в Кракове была предпринята исключительная попытка восстановления коммунистического наследия. В 2006 году площадь в районе Нова-Хута получила имя Петра Ожанского – одного из рабочих, при-

нимавших участие в строительстве этой части города. Его имя когда-то использовалось как символ «ударного труда»⁵, то есть сверхпродуктивного, увлеченного подхода к работе, который был одним из образов в коммунистической пропаганде. Это, очевидно, сделало его одним из тех, чьи усилия невольно легитимировали репрессивный режим. Игнорируя этот политический аспект, сторонники идеи отдать дань уважения Ожанскому подчеркивали его вклад и вклад всех рабочих в развитие города. Однако эта концепция просуществовала недолго, поскольку через три года после посвящения площади Ожанскому городской совет, теперь уже состоящий из людей с противоположными политическими взглядами, постановил ликвидировать это название [Kozik, 2009].

Варшава

Сильно пострадавшая во Второй мировой войне и особенно во время разрушительного восстания 1944 года, Варшава подверглась интенсивному переименованию улиц. Необходимость восстановления разрушенных частей города вкупе с его быстрым расширением позволили провести широкомасштабную индоктринацию. Один из самых важных проспектов – Уjazdовская аллея (*Aleje Ujazdowskie*) – был назван именем Сталина, другие же должны были чествовать победоносные коммунистические (советские и польские) силы. Часть Нововойской улицы (*Nowowiejska*), разрушенной во время Второй мировой войны, была реконструирована и получила название аллея Освобождения (*Aleja Wyzwolenia*), а аллея Яна Шуха (*Aleja Szucha*), названная в память о выдающемся варшавском архитекторе XVIII века, была переименована в проспект Первой Армии (*1. Armii Wojska Polskiego*). Эти три улицы были символическим сердцем Варшавы, относительно неповрежденным во время войны, где располагалось множество учреждений и организаций, а также иностранные посольства [Mejer, 2006, p. 106]. Были переименованы многие улицы с традиционными названиями, а также улицы, получившие названия в межвоенный период: площадь Пилсудского, на которой находится могила Неизвестного солдата, превратилась в площадь Победы (*Plac Zwycięstwa*), а улица Пилсудского стала улицей Народной Армии (*Armii Ludowej*) –

5. Прототип главного героя художественного фильма польского кинорежиссера Анджея Вайды «Человек из мрамора» (1977). – Прим. пер.

польских вооруженных сил, подчинявшихся СССР во время войны. Твердая улица (*Twarda*) стала улицей Крайовы Рады Народовы (*Krajowej Rady Narodowej*, первый парламент коммунистической Польши).

Многие улицы столицы были не только переименованы. Необходимость реконструкции и быстрой модернизации открыла возможность увековечить коммунистические ценности и героев в названиях вновь построенных улиц. Эти объекты, будучи символами нового, современного города, построенного на пепелище старого, были связаны с наиболее важными элементами идеологической иерархии. Особенно символичными были улицы, посвященные Каролу Сверчевскому (*Karol Świerczewski*), Юлиану Марчлевскому (*Julian Marchlewski*) и Октябрьской Революции (*Rewolucji Październikowej*). Некоторые старые улицы были намеренно снесены при реализации новых урбанистических проектов. Одной из них была Хмельна (*Chmielna*), которую коммунисты воспринимали как питательную среду для местных частных предприятий, которые рассматривались как идеологический противник. Из-за этого улицу разделили; ее восточная часть получила имя выдающегося коммунистического деятеля Генрика Рутковского (*Henryk Rutkowski*) [Wendlandt, 2012, p. 216]. Следует отметить, что порядок переименования был строго иерархическим – работало правило, согласно которому значимым фигурам отводились улицы более крупные и престижные, чем менее значимым [Meyer, 2006, p. 142, 160].

Переход к демократии повлек за собой пересмотр этой топонимии⁶. Если для улиц, построенных в коммунистический период, подыскивали новых героев, то в случае старых улиц обычно восстанавливали историческое название. Некоторые улицы не требовали переименования, так как его уже провели во время правления коммунистов: Уяздовская аллея вернула себе исходное название в 1956 году, а улица Югославской Молодежи (*Młodzieży Jugosłowiańskiej*) была переименована обратно в улицу Фоксаль (*Foksał*)⁷ в 1950 году, когда произошел конфликт между Югославией Тито и СССР. На самом деле процесс

декоммунизации был несистематичным и довольно ограниченным. Если в Кракове в соответствии с законодательным актом, принятым в 1991 году, были переименованы сразу 133 улицы, то в Варшаве на протяжении 1990-х годов количество переименованных улиц не превышало 70, по несколько переименований каждый год в период с 1989 по 1998 год. Помимо восстановленных исторических названий (пятая часть всех переименований), в новой городской топонимии преобладали имена, относящиеся ко Второй мировой войне, причем как те, которые можно было бы рассматривать как часть общенационального исторического канона, так и имена конкретных людей или названия воинских подразделений, деятельность которых ограничивалась Варшавой. Особое внимание уделялось тем, которые были связаны с Варшавским восстанием 1944 года. Другой популярной категорией были фигуры, связанные с историей довоенной Польши. Эта категория, очевидно, пересекалась с традиционными названиями улиц того периода, как в случае с площадью Пилсудского. Кроме того, честь дать имя улице была оказана некоторым людям, внесшим особый вклад в развитие города. С другой стороны, почти ни одна улица не была названа в честь людей, не связанных с Варшавой⁸, и очень немногим были даны нейтральные, несимволические имена. Помимо этого, число удостоившихся увековечивания деятелей, не участвовавших ни в каких вооруженных конфликтах – то есть интеллектуалов, художников и политиков, – в отличие от Кракова было очень небольшим. Что касается антикоммунистической оппозиции и жертв режима, то новые улицы назывались в честь только самых известных участников этой борьбы: Иоанна Павла II, прелата Стефана Вышинского, Солидарности и Казимежа Пужака (*Kazimierz Pużak*, один из самых ярких политиков, осужденных коммунистами). В конечном счете, хотя процесс декоммунизации Варшавы и был долгов, он украсил польскую столицу символами ее недавнего славного, но сурового прошлого, омраченного непрерывным политическим насилием и военными конфликтами.

6. Если не указано иное, информация о декоммунизации улиц в Варшаве получена из Архива городского совета, с дополнительной проверкой на полупрофессиональном проекте интернет-фэндома: <http://warszawa.wikia.com/wiki/Ulice>.

7. Отметим, что всего за пять лет до войны улицу Фоксаль переименовали в честь убитого на ней политика Бронислава Перацкого.

8. В качестве примера можно привести хирурга Людвика Ридигера (*Ludwik Rydygier*), чья жизнь была связана в основном с Краковом и Львовом. Но следует отметить, что его имя было выбрано как удобный вариант – он заменил коммуниста с той же фамилией, Юлиуша Ридигера (*Juliusz Rydygier*).

Желание сохранить память о патриотической борьбе за независимость не помещало другому интересному аспекту – высокой терпимости к плюрализму. Многие имена, существование которых было бы немыслимо в Кракове, в Варшаве остались нетронутыми. Осталась аллея Народной Армии (*Aleja Armii Ludowej*), символически связанная с улицей Независимости (*Niepodległości*)⁹, а также улицей Варинского (*Waryński*) – еще одной фигурой, вычеркнутой из топонимии Кракова. Остались улицы в честь польских ветеранов гражданской войны в Испании (*Dąbrowszczaków*), улица Гагарина и даже улица Коммунистической Молодежной Организации (*Związku Walki Młodych – ZWM*). Более того, в процессе декоммунизации одна из улиц получила имя коммунистического функционера: министр иностранных дел 1950-х годов Станислав Скшешевский (*Stanisław Skrzyszewski*) сменил Розу Люксембург. Другой политик, занимавший тот же пост, Зыгмунт Модзелевский (*Zygmunt Modzelewski*), сохранил свою улицу благодаря яростным протестам местных жителей (то же самое было и в случае улицы имени ZWM).

Этот многосторонний и плюралистический подход привел к появлению большого количества улиц, названия которых теперь должны быть изменены в результате принятия нового закона в 2016 году. Около 30 названий были признаны неуместными. В случае некоторых из них проблему недавно решили способом, который вряд ли вызовет протесты: они были посвящены другим людям с той же фамилией. Обсуждение ликвидации оставшихся названий до сих пор вызывает разногласия, в том числе в отношении Модзелевского, а также Теодора Друача и Юзефа Бальцерзака (*Teodor Druacz, Józef Balcerzak*) – членов коммунистического подпольного сопротивления, убитых немцами [Osowski, 2017]. Среди коллективных названий наибольшую поддержку получает улица Дамбровчиков (*Dąbrowszczacy*) – объединение ее сторонников активно выступает за сохранение этого названия, собирая подписи под заявлениями о поддержке и обращаясь с петициями к властям.

Вроцлав

Во Вроцлаве присвоение новых названий после Второй мировой войны сильно от-

личалось от того же процесса в Варшаве или Кракове. Оккупанты оставили таблички с немецкими названиями улиц во всех этих городах, но и нынешняя, и бывшая польские столицы легко заменили бы их довоенными польскими названиями, если бы коммунистические власти не избегали этого по идеологическим причинам. Во Вроцлаве все было иначе: город, всегда существовавший на границе стран и культур, на протяжении предшествующих веков находился под доминирующим влиянием Германии, принадлежа сначала Габсбургской монархии, затем Пруссии, затем и Германии. Из-за этого не только все улицы до войны были названы по-немецки, но и многие названия были посвящены людям или событиям, важным для немецкой историографии, и сосредоточены на достижениях и победах Германии. Такие названия представляли даже большую символическую угрозу, чем имена, увековечивающие довоенные польские традиции, поэтому процесс переименования должен был быть более интенсивным и глубоким. Из-за этого процесс переименования во Вроцлаве был несистематичным, спонтанным, с ошибками и путаницей – например, с ошибками перевода, присвоением одной улице двух названий или одинаковых названий – двум разным улицам [Kedziora, 2012, p. 15–16]. Со временем эти проблемы постепенно решались, хотя в некоторых случаях для этого требовались годы [Ibid., p. 23–24].

Целью этих масштабных изменений было не только приспособить городскую топонимию к условиям города, отныне принадлежащего Польше, но и доказать, что у Польши есть история и достижения столь же славные, как и у ее немецких соседей. Чтобы показать это, известные фигуры, давшие названия улицам, заменялись новыми аналогичного ранга: немецкие политики и военачальники были заменены аналогичными польскими, точно так же улицы, названные в честь немецких военных формирований, получили названия польских частей и т. д. (хотя это не помешало назвать некоторые из главных улиц в честь основных символов коммунистической идеологии со Сталиным как центральной фигурой). В рамках этого процесса из названий убрали даже немецких актеров, ученых и художников, освободив место для поляков из тех же профессий [Ibid., p. 26–32]. Топонимия Вроцлава должна была

9. Термин «независимость» (*Niepodległość*) используется в отношении восстановления суверенной II Республики Польши в 1918 году, в то время как «освобождение» (*Wyzwolenie*) – для окончания немецкой оккупации во Второй мировой войне. Термин «победа» (*Zwycięstwo*) также использовался в последнем контексте.

быть преобразована в чисто польский, а также коммунистический набор символов. К названиям, связанным с католицизмом, проявили некоторую терпимость – после перевода с немецкого их сохранили как исторические, – но символы немецкого прошлого города оказались неуместными. Очевидно, во Вроцлаве коммунистам не нужно было беспокоиться о какой-либо топонимии, связанной с довоенной Польшей.

После 1989 года здесь, как и в других городах, началась декоммунизация уличных названий. Отметим несколько фактов. Во-первых, в публичном пространстве не только осталось несколько сомнительных названий, но еще и два из них были добавлены накануне перехода к демократии: в мае 1989 года городской совет в конечном итоге принял идеи, возникшие еще в 1970-х годах, когда ради очистки городской топонимии два крайне идеологических названия должны были быть заменены другими. Так, бывшая улица Красной Армии (*Armii Czerwonej*) была заменена гораздо более популярной Народной Армией (*Armii Ludowej*), а улице 1 Мая присвоили имя одного из командующих польской коммунистической армии, Зыгмунта Берлинга (*Zygmunt Berling*) [Ibid., p. 133]. Эти улицы закрепились в топонимии Вроцлава более чем на 20 лет, пока не начался следующий этап процесса декоммунизации. Точно так же оставалась нетронутой улица Национального Единства (*Jedności Narodowej*), до середины 1950-х годов бывшая улицей Сталина.

Во-вторых, процесс декоммунизации был сосредоточен на восстановлении исторических названий и устранении беспорядка в топонимии – повторяющихся названий, улиц с похожими названиями или названных в честь людей, которых невозможно было идентифицировать. Новый подход складывался из трех составляющих: во-первых, восстановление и сохранение исторических названий, когда это возможно (за исключением ситуаций, когда значение исторического названия подвергалось сомнению – не всегда удавалось идентифицировать человека, в честь которого была названа конкретная улица); во-вторых, установка собирать названия одной категории в пределах одного района (например, называя ряд близлежащих улиц в честь людей той же профессии);

в-третьих, всякий раз, когда требовалось найти деятеля для нового названия, обычно обращались к патриотическим ценностям и господствующему ядру польской истории: борьбе за независимость, межвоенному периоду и Второй мировой войне. Следует, однако, отметить, что, учитывая историю города в первой половине XX века, такие названия были несовместимы с его собственной, локальной историей.

В конечном счете в названиях многих улиц место коммунистических имен заняли нейтральные имена, которые имели отношение к другим городам, странам или общим терминам, не связанным с какой-либо идеологией или историческим периодом. Здесь такая замена была гораздо более масштабной, чем в Варшаве и Кракове. Похоже, из-за отсутствия глубокого символического капитала, тесно связанного с историей Польши, местные власти предпочли использовать нейтральные, несимволические имена. Также почти не использовались в качестве замены имена, связанные с оппозицией режиму в коммунистический период (на самом деле таких замен было всего две: Ян Палах, чех, который поджег себя в знак протеста против коммунистического вторжения, заменил чешского коммуниста Юлиуса Фучика, а кардинал Стефан Вышинский занял улицу Юзефа Вечорека). Как и в Кракове, ряд улиц были посвящены польским деятелям искусства (особенно музыкантам) или интеллектуалам (ученым), но в отличие от Кракова эти фигуры были связаны не с Вроцлавом, а с другими городами и регионами Польши. По-видимому, обращение к довоенной истории города, явно отделенной от истории Польши, было чувствительным вопросом, способным вызывать конфликты и неприятности, поэтому его всячески избегали¹⁰.

Любопытно, что мультикультурный опыт города не привел к появлению множества имен, связанных с местной историей. В результате декоммунизации Вроцлав наполнился именами, связанными с канонами современной польской истории, хотя все это время Вроцлав не принадлежал Польше, поэтому не участвовал в этих событиях и, в отличие от Варшавы или Кракова, не боролся за освобождение от оккупации. Кроме того, вопреки ожиданиям, Вроцлав не проявил особой терпимости к коммунистическому наследию. Процесс переименования улиц оказался довольно основа-

10. Камила Кедзиора вспоминает конфликт, произошедший во время заседания городского совета по поводу присвоения площади имени немецкого математика Макса Борна, когда были высказаны обвинения в национализме и предубеждении по отношению к названиям, связанным с немецкими именами, *ibid*: 142.

ТАБЛИЦА 1.

Сравнение наиболее распространенных категорий, заменяющих коммунистические названия в городской топонимии

	Варшава		Краков		Вроцлав		
1	Борьба за независимость и межвоенный период	7	10%	15	10%	9	12%
2	Вторая мировая война	21	30%	15	10%	11	14%
3	Антикоммунистическая оппозиция	6	9%	9	6%	2	3%
4	Местные активисты	10	14%	47	33%	10	13%
5	Восстановленные традиционные названия	13	19%	15	10%	9	12%
6	Фигуры, не связанные с городом	1	1%	15	10%	10	13%
7	Новая фигура, связанная с коммунизмом	1	1%	0	0%	2	3%
8	Нейтральные, несимволические названия	7	10%	22	15%	17	22%
ВСЕГО		66	94%	138	94%	70	92%
Ядро новейшей истории Польши (сумма категорий 1–3)		34	49%	39	26%	22	29%
Количество названий, подлежащих удалению в 2016–2017 годах (по данным Института национальной памяти)		около 30		6		7	

тельным – после принятия в 2016 году нового закона о декоммунизации во Вроцлаве для обсуждения осталось лишь несколько названий. Для изучения было отобрано семь улиц (включая улицу Гагарина), но в итоге переименованы были только четыре: две, созданные в 1989 году, – Берлинга и Народной Армии, а также улица 9 Мая (День Победы в странах советского блока, хотя во Вроцлаве эта дата интерпретировалась как день освобождения города) и Куйбышевская (отсылка к городу Куйбышеву, где располагалась школа НКВД) [Kozioł, 2016].

Выводы

Подводя итог декоммунизации топонимии в трех сильно отличающихся друг от друга польских городах, можно указать на определенные различия в том, что касается терпимости к коммунистическому наследию и стратегий переименования. Я обобщил результаты этого анализа в табл. 1.

Во всех трех случаях сходный процент переименованных улиц приходился на восстановление традиционных названий, которые использовались до Второй мировой войны. В случае Вроцлава, очевидно, восстановленные имена были польским вариантом названий немецкого происхождения. В Кракове доминирующей стратегией было увековечивание людей, внесших значительный вклад в развитие города. Власти Варшавы сосредоточились на увековечивании новейшей истории борьбы за независимость на протяжении всего XX века – от Первой мировой до краха коммунизма. в особенности истории вооруженной борьбы и, в частности, Варшавского восстания. Все эти мемориальные названия связаны с официальной польской историей, которая присутствует в официальном школьном образовании, государственных праздниках, а также в общественных дискуссиях. Такая

тенденция, однако, соседствовала с сохранением многих названий, связанных с коммунистической военной традицией, их дальнейшее существование теперь под вопросом из-за нового закона. Во Вроцлаве, несмотря на эпизодические случаи посвящения улиц коммунистическим фигурам и событиям даже в 1989 году, процесс декоммунизации начала 1990-х годов был довольно глубоким, хотя название улиц в честь новых героев не стало доминирующей тенденцией. Некоторые из улиц, как и в Варшаве, были посвящены вооруженной борьбе за независимость Польши, которая на самом деле имела мало общего с историей Вроцлава. По-видимому, в начале демократического периода еще не было готовности увековечивать то, что действительно составляло наследие города: люди и факты, связанные с немецкой культурой и историей. Из-за малого числа символических ресурсов, которые были бы одновременно совместимы с польским патриотизмом и связаны при этом с местной историей, во Вроцлаве было значительно больше улиц, которым были присвоены нейтральные, несимволические названия или имена людей, совершенно не связанных с самим городом.

Это приводит нас к классической дискуссии об истории и памяти. Во Вроцлаве, в отличие от Варшавы, история Второй мировой войны была несовместима с памятью места, количество доступных символических героев, подходящих для увековечивания, было ограничено. В современной научной литературе часто обсуждается тема отношения между памятью и историей, причем разные авторы либо противопоставляют эти термины, либо определяют их как дополняющие друг друга¹¹. Анализ

11. Первый случай – классическое различие, проведенное Жаком Ле Гоффом, второй – например, позиция Патрика Хаттона [Szacka, 2006, p. 19–20].

трех разных случаев показывает, что при определенных обстоятельствах – когда память, относящаяся к данному месту, несовместима с господствующим историческим нарративом – символы этой памяти могут подавляться и заменяться либо символами этого господствующего нарратива, либо, что интереснее, символической пустотой, при которой пустое пространство заполняется несимволическими, нейтральными элементами просто потому, что это необходимо по практическим соображениям – в данном случае потому, что необходимо дать название каждой существующей улице.

Кроме того, выясняется, что такое подавление не ограничивается только авторитарными режимами. Напротив, это вполне может происходить в демократической системе. Уолтер Хэтч, сравнивая исторические нарративы в музеях Второй мировой войны в Китае и Японии, отметил, что «мы рискуем преувеличить, утверждая, что демократия порождает большое разнообразие подходов к сохранению памяти о прошлом. Даже в самом плюралистическом (и милитаристском) обществе влиятельные группы могут задушить альтернативные историографии» [Hatch, 2014, р. 391]. К похожему выводу пришла Томоко Хамада в своем исследовании разных подходов к формированию официального исторического нарратива в японских учебниках и жесткой конкуренции между ними [Hamada, 2002, р. 34–37]. С другой стороны, Хэтч также отметил тот факт, что оправдание использования ядерных бомб против Японии стало догмой в американской коллективной памяти, что предотвратило распространение подходов, которые могли бы оспорить его. Посткоммунистические демократии тоже не свободны от таких ограничений – типичной иллюстрацией этой проблемы является раскол национальной и гражданской модели исторической социализации и исторических нарративов [Poczykowski, 2008, р. 29]. Различные проявления символизма в публичном пространстве, такие как городская топонимия, подвергаются определенным ограничениям, которые могут подавлять автономию местной идентичности и памяти по отношению к господствующему, гегемонистскому дискурсу.

Источники

- Бурдые П. (1993) Социология политики. М.: Socio-Logos.
 Alderman D. (2002) Street Names as Memorial Arenas: The Reputational Politics of Commem-

- morating Martin Luther King Jr: In a Georgia County // *Historical Geography*. № 30. P. 99–120.
 Azaryahu M. (1996) The Power of Commemorative Street Names // *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 14. № 3. P. 311–330.
 Bourdieu P. (1991) *Language and Symbolic Power*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. P. 239.
 Hamada T. (2002) Contested Memories of The Imperial Sun—History Textbook Controversy in Japan // *American Asia Review*. Vol. XX. № 4. P. 1–38.
 Hatch W. (2014) Bloody Memories—Affect and Effect of World War II Museums in China and Japan // *Peace & Change*. Vol. 39. № 3. P. 366–394.
 Johnston R., Ripmeester M. (2009) Awake Anon the Tales of Valour: The Career of a War Memorial in St. Catharines, Ontario // *The Canadian Geographer / Le Geographe canadien*. № 53. P. 404–426.
 Kędziora K. (2012) *Nazewnictwo ulic Wrocławia w latach 1945–1989*. Warszawa, IPN.
 Kozik R. (2009) Kogo uwierał człowiek z marmuru // *Wiadomości z Krakowa*. Режим доступа: https://krakow.wyborcza.pl/krakow/1,44425,6401136,Kogo_uwieral_czlowiek_z_marmuru.html (дата обращения: 18.04.2021).
 Kozioł M. (2016) Koniec z ulicą Berlinga. Które nazwy ulic mogą być jeszcze zmienione? // *Wiadomości z Wrocławia*. Режим доступа: <http://wroclaw.wyborcza.pl/wroclaw/1,35771,20727161,koniec-z-ulica-berlinga-ktore-nazwy-ulic-moga-byc-jeszcze-zmienione.html> (дата обращения: 18.04.2021).
 Kursa M. (2017) Nowe nazwy ulic: Szymborska zamiast Szenwalda? Są wątpliwości // *Wiadomości z Krakowa*. Режим доступа: <http://krakow.wyborcza.pl/krakow/7,44425,22249247,nowe-nazwy-ulic-szyborska-zamiast-szenwalda-sa-watpliwosci.html> (дата обращения: 18.04.2021).
 Liebich A., Myshlovska O. (2014) Bandera: Memorialization and Commemoration // *Nationalities Papers*. Vol. 42. № 5. P. 750–770.
 LoveKraków.pl (2014) To aleja łącząca ateizm z chrześcijaństwem. Режим доступа: https://lovekrakow.pl/aktualnosci/al-jana-pawla-ii-to-polaczenie-starego-z-nowym_5643.html (дата обращения: 18.04.2021).
 Meyer S. (2006) Dwie drogi do alei Stalina. Zmiany nazw ulic w Warszawie i Berlinie Wschodnim (1945–1950) // *W połowie drogi. Warszawa między Paryżem a Kijowem / J. Kochanowski (red.)*. Warszawa: Trio. S. 105–174.
 Osowski J. (2017) Mała dekomunizacja ulic zrobiona, ale ma być większa. A gdzie ulica Lecha Kaczyńskiego? // *Warszawa.Wyborcza.pl*. Режим доступа: <http://warszawa.wyborcza.pl/warszawa/7,54420,22307786,mała-dekomunizacja-ulic-made-but-ma-byc-a-where.html> (дата обращения: 18.04.2021).
 Poczykowski R. (2008) Building the Past, Forgetting the Future—Is Poland a Historical Knowledge Based Society // *LIMES: Cultural Regionalistics*. Vol. 1. № 1. P. 22–31.
 Pozniak K. (2013) Generations of Memory in the “Model Socialist Town” of Nowa Huta, Po-

- land // *Focaal—Journal of Global and Historical Anthropology*. № 66. P. 58–68.
- Rose-Redwood R.S. (2008) From Number to Name: Symbolic Capital, Places of Memory and the Politics of Street Renaming in New York City // *Social & Cultural Geography*. Vol. 9. № 4. P. 431–452.
- Różycki B. (2018) Przemianowywanie ulic w Polsce 1989–2016. Charakterystyka zagadnienia // *Mity i stereotypy w wyobrażeniach zbiorowych* / A. Dubicki, M. Rekść, A. Sepkowski (red.). Łódź: Wydawnictwa Uniwersytetu Łódzkiego.
- Speitkamp W. (1997) Denkmalsturz Und Symbolkonflikt In der modernen Geschichte. Eine Einleitung // *Denkmalsturz. Zur Konfliktgeschichte politischer Symbolik* / W. Speitkamp (Hg.). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. S. 5–21.
- Szacka B. (2006) Czas przeszły: pamięć—mit. Warszawa: Scholar.
- Viejo-Rose D. (2014) Reconstructing Spain. Cultural Heritage and Memory after Civil War. Brighton-Chicago-Toronto: Sussex Academic Press 2014.
- Wendlandt J. (2012) Nazwy historyczne—ochrona wartości niematerialnych // *Śladami nazw miejskich Warszawy*. Warszawa: Muzeum Historyczne m.st. Warszawy.
- Renaming Urban Toponymy As A Mean Of Redefining Local Identity: The Case Of Street Decommunization In Poland**
- Bartłomiej Różycki**, PhD in History, Institute of Political Studies of the Polish Academy of Sciences; 18/20 Polna, Warszawa, 00-625, Polska.
E-mail: bartek.rozycki@gmail.com
- Abstract.** During and after democratic transition in Poland, the decommunization of urban toponomy became an important aspect of symbolic changes. Although the general course of street renaming was similar in the whole country, the pace of these changes as well as scope of tolerance towards the symbols of the past varied. In this article, the cases of three major Polish cities are analyzed. In Kraków, its long and rich history constituted a background of local identity and certain level of autonomy in defining the symbolic landscape. Warsaw on the other hand was a city whose extraordinary experiences related to the World War II resulted in commemoration of a whole new set of myths and figures through the street names. What is more, its status of the country's capital caused its identity to influence the canon of Polish history as a whole. This affected the third analyzed case, Wrocław, whose long history of links with German culture resulted in very little symbolic capital which would be compatible with this new patriotic canon. As a result, Wrocław accepted in its urban toponomy a vast number of symbols unrelated to its own memory, in the same time suppressing symbols linked to its local identity. Accepting external heritage turned out to be a strategy of avoiding conflict with the dominant narrative.¹
- Keywords:** communist Poland; contemporary Poland; street names; symbols; local identity
- Citation:** Różycki B. (2021) Renaming Urban Toponymy as a Mean of Redefining Local Identity: The Case of Street Decommunization In Poland. *Urban Studies and Practices*, vol. 6, no 1, pp. 109–123. (in Russian)
DOI: <https://doi.org/10.17323/usp612021109-123>
- References**
- Alderman D. (2002) Street Names as Memorial Arenas: The Reputational Politics of Commemorating Martin Luther King Jr: In a Georgia County. *Historical Geography*, no 30, pp. 99–120.
- Azaryahu M. (1996) The Power of Commemorative Street Names. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 14, no 3, pp. 311–330.
- Bourdieu P. (1991) Language and Symbolic Power. Cambridge, MA: Harvard University Press, p. 239.
- Bourdieu P. (1993) Sotsiologiya politiki [Sociology of Politics]. M.: Socio-Logos.
- Hamada T. (2002) Contested Memories of The Imperial Sun—History Textbook Controversy in Japan. *American Asia Review*, vol. XX, no 4, pp. 1–38.
- Hatch W. (2014) Bloody Memories—Affect and Effect of World War II Museums in China and Japan. *Peace & Change*, vol. 39, no 3, pp. 366–394.
- Johnston R., Ripmeester M. (2009) Awake Anon the Tales of Valour: The Career of a War Memorial in St. Catharines, Ontario. *The Canadian Geographer / Le Geographe canadien*, no 53, pp. 404–426.
- Kędziora K. (2012) Nazewnictwo ulic Wrocławia w latach 1945–1989 [Nomenclature of Wrocław Streets in the Years 1945–1989]. Warszawa, IPN. (in Polish)
- Kozik R. (2009) Kogo uwierał człowiek z marmuru [Whom the Man of Marble Was Hurting]. *Wiadomości z Krakowa* [News from Krakow]. Available at: https://krakow.wyborcza.pl/krakow/1,44425,6401136,Kogo_uwieral_czlowiek_z_marmuru.html (accessed 18 April 2021). (in Polish)
- Kozioł M. (2016) Koniec z ulicą Berlinga. Które nazwy ulic mogą być jeszcze zmienione? [No more Berling Street. Which Street Names Can Still Be Changed?]. *Wiadomości z Wrocławia* [News from Wrocław]. Available at: <http://wroclaw.wyborcza.pl/wroclaw/1,35771,20727161,koniec-z-ulica-berlinga-ktore-nazwy-ulic-moga-byc-jeszcze-zmienione.html> (accessed 18 April 2021). (in Polish)
- Kursa M. (2017) Nowe nazwy ulic: Szyborska zamiast Szenwalda? Są wątpliwości [New Street Names: Szyborska instead of Szenwald? There are Doubts]. *Wiadomości z Krakowa* [News from Krakow]. Available at: <http://krakow.wyborcza.pl/krakow/7,44425,22249247,nowe-nazwy-ulic-szyborska-zamiast-szenwalda-sa-watpliwosci.html> (accessed 18 April 2021). (in Polish)
- Liebich A., Myshlovska O. (2014) Bandera: Memorialization and Commemoration. *Nationalities*

- Papers*, vol. 42, no 5, pp. 750-770.
- LoveKraków.pl (2014) To aleja łącząca ateizm z chrześcijaństwem [This is the Avenue that Connects Atheism with Christianity]. Available at: https://lovekrakow.pl/aktualnosci/al-jana-pawla-ii-to-polaczenie-starego-z-nowym_5643.html (accessed 18 April 2021). (in Polish)
- Meyer S. (2006) Dwie drogi do alei Stalina. Zmiany nazw ulic w Warszawie i Berlinie Wschodnim (1945-1950) [Two Roads to Stalin's Avenue. Street Name Changes in Warsaw and East Berlin (1945-1950)]. Kochanowski J. (red.) *W połowie drogi. Warszawa między Paryżem a Kijowem* [Halfway. Warsaw between Paris and Kiev.]. Warszawa: Trio, pp. 105-174. (in Polish)
- Osowski J. (2017) Mała dekomunizacja ulic zrobiona, ale ma być większa. A gdzie ulica Lecha Kaczyńskiego? [Small Street Decommunization Done, but It is to Be Bigger. And Where is Lech Kaczyński Street?]. Warszawa.Wyborcza.pl. Available at: <http://warszawa.wyborcza.pl/warszawa/7,54420,22307786,ma-la-dekomunizacja-ulic-made-but-ma-byc-a-where.html> (accessed 18 April 2021). (in Polish)
- Poczykowski R. (2008) Building the Past, Forgetting the Future-Is Poland a Historical Knowledge Based Society. *LIMES: Cultural Regionalistics*, vol. 1, no 1, pp. 22-31.
- Pozniak K. (2013) Generations of Memory in the "Model Socialist Town" of Nowa Huta, Poland. *Focaal-Journal of Global and Historical Anthropology*, no 66, pp. 58-68.
- Rose-Redwood R.S. (2008) From Number to Name: Symbolic Capital, Places of Memory and the Politics of Street Renaming in New York City. *Social & Cultural Geography*, vol. 9, no 4, pp. 431-452.
- Różycki B. (2018) Przemianowywanie ulic w Polsce 1989-2016. Charakterystyka zagadnienia [Renaming Streets in Poland 1989-2016. Characteristics of the Issue]. Dubicki A., Reksć M., Sepkowski A. (red.) *Mity i stereotypy w wyobrażeniach zbiorowych* [Myths and Stereotypes in Collective Imaginations]. Łódź: Wydawnictwa Uniwersytetu Łódzkiego. (in Polish)
- Speitkamp W. (1997) Denkmalsturz Und Symbolkonflikt In der modernen Geschichte. Eine Einleitung [Monument Fall and Symbol Conflict in Modern History. An Introduction]. Speitkamp W. (Hg.) *Denkmalsturz. Zur Konfliktgeschichte politischer Symbolik*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, pp. 5-21. (in German)
- Szacka B. (2006) Czas przeszły: pamięć-mit [Past Tense: Memory-Myth]. Warszawa: Scholar. (in Polish)
- Viejo-Rose D. (2014) Reconstructing Spain. Cultural Heritage and Memory after Civil War. Brighton-Chicago-Toronto: Sussex Academic Press 2014.
- Wendlandt J. (2012) Nazwy historyczne-ochrona wartości niematerialnych [Historical Names-Protection of Intangible Assets]. *Ślady nazw miejskich Warszawy* [Following the Traces of Warsaw's City Names]. Warszawa: Muzeum Historyczne m.st. Warszawy [Warsaw: Historical Museum of the Capital City of Warsaw]. (in Polish)